

**К вопросу о пребывании польских резидентов при русских войсках во
времена крымских походов (конца 1680-х гг.)**

Научный руководитель – Флоря Борис Николаевич

Домрачев Николай Евгеньевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: nickolas-house@yandex.ru

Заклученный в 1686 г. договор о Вечном мире с Речью Посполитой сопровождался созданием военного союза между обоими государствами, направленным против Османской империи и Крымского ханства. В рамках союзных обязательств московская сторона должна была совершить поход на Крым для отвлечения татар от набегов на Польшо-Литовское государство (ст. 10). Союзники при этом договаривались «пересылать между собою [и] друг другу помогать» (ст. 12) [4, 778].

Но полного доверия между Московским государством и Речью Посполитой не существовало. Каждая сторона стремилась уличить своего партнера в нарушении статей договора о Вечном мире и желала знать обо всех предпринятых им действиях. На службу союзников встал формирующийся институт официальных постоянных представителей. Была возрождена практика обмена постоянными дипломатическими представителями - «резидентами», которые были отозваны из Москвы и Варшавы в далеком 1677 г. В декабре 1687 г. к царскому двору прибыл резидент Ежи (Юрий) Доминик Довмант, а в январе в Польшо-Литовское государство был послан дьяк Прокофий Богданович Возницын в чине «написанного» стольника.

Однако, присутствие резидента в Москве не до конца удовлетворяло Яна III Собеского и его советников. Действительно значимые для русско-польского союза и Священной Лиги события разворачивались вдали от кремлевских стен, в русских войсках в «диких полях». При королевском дворе также сочли необходимым присутствие там своего постоянного представителя, по своим функциям близкого современным военным атташе.

Вопрос о координации и совместных действиях («случении») русских и польско-литовских войск поднимался еще в 1670-е гг., [6, 69] но так и не был решен. В условиях привлечения России к антиосманской борьбе направление в русские войска польского постоянного представителя, по мысли короля и его советников, должно было улучшить взаимную осведомленность гетманов и воевод о своих планах, текущей ситуации на театре военных действий, и, следовательно, позволить достаточно оперативно координировать свои действия. Именно так - «дабы можно было взаимно направлять и сообразовывать свои действия с продвижением и усилиями другой стороны» [3, 145] - пересказывает предложение польского короля Патрик Гордон, которому было поручено принимать и размещать польского «резидента» «лейтенанта одной из гусарских рот» Стефана Гласковского, с 15 по 22 июля 1687 г. находившегося при войсках кн. В. В. Голицына.

На следующий год польской стороной вновь была предпринята попытка направить своего представителя в русские войска. 16 (26) июня 1688 г. поручик С. Гласковский прибыл из Львова в Киев с письмом от гетмана Ст. Яблоновского, «чтоб ево . . . отпустить из Киева до войск . . . за резидента». Целью посылки своего представителя гетман назвал «ведать, войска их царского величества в которых местех обретаются, и в какой промысл идут, и чтоб о том к тебе писать» [1, 374 об.] Добравшись до лагеря русских полков на р. Орчик 5 (15) июля, посланец был принят окольным и воеводой Л. Р. Неплюевым и

обратился с воеводе просьбой, «чтоб ему в полках ... ратных людей ... побыть до реки Самары» [Л. 348]. Получив от воеводы отписку о приезде Гласковского, в Посольском приказе поспешили лишней раз напомнить полковому воеводе, чтобы он без промедления «по прежнему их, государеву, указу того резидента от себя отпустил» [1, 349].

Польский резидент оказался в состоянии удовлетворить главное требование русских воевод - подробно информировать их о планах и текущих действиях польских гетманов. На отпуске 22 июля (1 августа) он прямо заявил: «О намерении пол(ь)ских и литовских войск военной промысл он подлинно не ведает, а естли б ведал, самую истинну сказал. А тол(ь)ко сказать ему неподлинно, а учинитца не так, и то причтено будет в неправду» [1, 371 - 371 об.]. Корреспонденция С. Гласковского находилась под неусыпным контролем русского командующего. Уже по возвращении в Польшу в сентябре 1688 г. он жаловался, что в походной канцелярии копировали все его письма, «и к тем спискам ему руку прикладывать велели, что таков лист он посылает до королевского величества», а сами письма заставляли «писать и печатать» под контролем подьячих. Это подтверждают переводы его писем королю и гетману, а также полный перечень его корреспонденции, сохранившиеся в Посольском приказе [1, 383 об.- 384 об.]. Кроме того, на обратном пути в Киев его, по его собственным словам, «ова не уморили», ведя «степью самую пустою и безводною, обводя города и села» [2, 160].

Содержание писем «резидента» свидетельствует о том, что Гласковский не имел ограничений в доступе к информации. Его охотно посвящали в планы похода, сообщали сведения, добытые от татарских «языков», он наблюдал разметку местности и начало строительства земляных укреплений Новобогородицкой крепости. Но у «резиденту» не давали возможности проверить эти сведения из альтернативных источников, и вся сообщаемая ему информация служила одной цели: выдать желаемое за действительное и подчеркнуть значимость России в глазах союзника по Священной Лиге.

Спустя год 15 июня 1689 г. во время второго Крымского похода резидент «полковник» Гласковский, «присланный от короля и коронного гетмана Польши», снова прибыл в лагерь русских полков кн. В. В. Голицына у ручья Киличень. Через десять дней, 25 июня, польский представитель отбыл из похода» [3, 198].

Таким образом, полноценной «резиденции» из всех трех миссий С. Гласковского не получилось. Русская сторона в лице кн. В. В. Голицына строго следила, чтобы польский представитель «наскоро» без задержания был выслан обратно в Киев. На миссии Гласковского в Москве смотрели как на попытку шпионажа и поиска дополнительных аргументов для обвинения России в несоблюдении договора Вечного мира. В то же время его присутствие командующие русскими войсками в «диких полях» стремились использовать в собственных интересах, делая из Гласковского невольного транслятора официальной позиции России. Полный контроль над ним и за его перепиской со стороны приставов и служащих полковой канцелярии в «обозе» позволяли создать необходимый информационный фон. О полноценной координации действий с польскими гетманами речь идти уже не могла.

Источники и литература

- 1) РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 231.
- 2) РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 235.
- 3) Гордон П. Дневник, 1684—1689 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова ; [отв. ред. М.Р. Рыженков]. М.: Наука, 2009.
- 4) Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 1.

- 5) Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: «Индрик», 2008.
- 6) Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673-1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017, №1.